

Научная статья

Научная специальность

12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»

УДК 343(470)(091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2022.2.98>

РАЗВИТИЕ НОРМЫ О ПОСРЕДСТВЕННОМ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

© Георгиевский Э. В., Кравцов Р. В., 2022

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Предпринята попытка комплексного анализа наиболее значимых и известных актов некоторых зарубежных стран, содержащих нормы уголовно-правового характера, касающиеся положений о посредственном причинении и очень близкого по смыслу института подстрекательства. Произведен анализ законодательства в период от древнейших времен и раннего Средневековья до Новейшего времени. В ходе исследования выявлен и систематизирован ряд положений теоретического характера, касающихся природы данных нормативных предписаний, их сущностного содержания и специфики нормативного закрепления. Базовые выводы подтверждают тот факт, что уголовная ответственность за посредственное причинение с социально-правовой точки зрения была неоднородной – оно могло являться как отягчающим наказанием обстоятельством, так и причиной смягчения репрессии в силу «несамостоятельности» роли привлекающего лица.

Ключевые слова: посредственное причинение, подстрекатель, Артахаштра, Французский уголовный кодекс, Баварский уголовный кодекс.

DEVELOPMENT OF THE REGULATION OF INTERMEDIATE INJURY IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF SOME FOREIGN COUNTRIES

© Georgievskij E. V., Kravtsov R. V., 2022

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

The paper attempts a comprehensive analysis of the most significant and well-known acts of some foreign countries containing norms of a criminal law nature relating to provisions on mediocre infliction and the institution of incitement, which is very similar in meaning. The analysis chronologically includes the period from ancient times and the early Middle Ages to modern times. The basic conclusions confirm the fact that criminal liability for mediocre infliction from a social and legal point of view was heterogeneous - from an aggravating circumstance to mitigating repression due to the "non-independence" of the role of the person involved.

Keywords: mediocre infliction, instigator, Arthashastra, French Penal Code, Bavarian Penal Code.

Введение

Совершение преступного деяния не «своими руками», а посредством иных лиц исторически всегда рассматривалось как крайне опасное поведение. Особенно это касалось случаев, когда привлекаемое к выполнению объективной стороны состава преступления лицо не осознавало общественной опасности своего поведения, будучи, например, введенным в заблуждение.

Материалы и методы исследования

Необходимость кардинального воздействия на лиц, действиями которых кто-либо мог быть склонен к совершению преступления, отмечалась уже в Древнем Египте. Так, древнеегипетское Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара (XXI в. до н. э.) отмечает единственный случай совместного совершения преступления, и этот случай, получивший нормативное отражение, касается привлечения к совершению преступления иного лица. В Поучении говорится о том, что царь должен убивать тех, кто сам склонен к мятежу и склоняет к

нему. «Говорун – это подстрекатель; расправься с ним, убей его детей, изгладь его имя, [уничтожь] его домочадцев, изгони память о нем и его сторонников, любящих его» [7, с. 17]. Казнь, оговариваемая в Поучении, более чем очевидна. Это физическое уничтожение не только самого лица, склонившего другого к совершению преступления, но и его детей, иных близких и родных лиц. Полное уничтожение памяти о нем и лицах, осуществлявших с ним совместную жизнедеятельность.

Существуют письменные доказательства совместного совершения преступления, а точнее, привлечения другого лица к совершению преступного деяния, в Древнем Египте и в отношении общеуголовных преступлений, например таких как кража. Так, в одном из документов устанавливается, что хозяин принудил своего раба совершить кражу священного быка из Фиванского некрополя [11, с. 115]. Подобное принуждение, как нам кажется, фактически нивелирует собственное виновное отношение раба

к совершаемому преступлению, с учетом того факта, что раб не обладал правосубъектностью.

Вполне вероятно, что косвенное упоминание о посредственном причинении содержится и в древнегреческих законах. Так, Законодательство Драконта (621 г. до н. э.) в первом аксоне гласит: «...Басилеи же должны судить виновного в убийстве... организовавшего его; эфеты же должны расследовать дело...» [15, с. 31]. Организация убийства со всей очевидностью может предполагать и склонение лица к его совершению в том числе. Вряд ли организация и подстрекательство в этих случаях очень четко разделялись.

В соответствии с таблицей IX Законов XII таблиц (541–450 гг. до н. э.) смертной казнью карали того, кто подстрекает врага римского народа к нападению на страну [22, с. 21–33]. И вновь очевидно, что такие призывы могли осуществляться лицами, имеющими определенный авторитет, способными воздействовать, в том числе и психологически, на массы.

Артхашастра (I в. до н. э. – I в. н. э.) не сохранила понятия соучастия, но имела ряд положений, в которых говорилось о возможном совместном совершении преступления и о возможном посредственном причинении. Так, например, когда преступление совершал подчиненный по прямому указанию начальника, на него налагался штраф вдвое меньше, чем на начальника. В некоторых положениях, которые мы сегодня относим к положениям Особенной части, также имелись указания на совместное совершение преступления. Так, в гл. 17 разд. 71 «Грабеж» говорилось о том, что тот, кто побуждает к совершению грабежа, должен платить штраф в двойном размере [1, с. 210].

Примерно те же самые условия наказуемости склонения другого лица к совершению преступления содержит книга 2 «Судопроизводство» Дхармашастры Яджнавалкьи (II в. н. э.). В статье 231 разд. «Грабеж» устанавливалась ответственность за подстрекательство к грабежу: «Того, кто побуждает к совершению грабежа, следует заставить заплатить двойной штраф». В этой же норме повышенная уголовная ответственность устанавливалась за побуждение к совершению преступления путем подкупа [23, с. 31].

Древнекитайское законодательство, которое впоследствии оказало серьезное влияние на формирование японского уголовного законодательства, также серьезно карало случаи совершения преступления, когда зачинщик использовал в качестве способа совершения преступления особую хитрость [6, с. 88]. В уголовных установлениях Тан (Тан люй шу и) – китайского уголовного кодекса периода правления

Танской династии (618–907 гг.) – содержатся многочисленные упоминания о совместном совершении преступления. В цзюане 5 есть норма, в соответствии с которой то лицо, которое выступило инициатором совершения преступления, признается его главарем (организатором). Последовавшим за ним соучастникам наказание уменьшается на одну ступень. По этому поводу очень образно высказывается В. Г. Графский, полагающий, что древнекитайскому законодателю было свойственно тщательно классифицировать преступления и дифференцировать ответственность [2, с. 115].

По мнению Д. А. Суровеня, в древней Японии к отягчающим наказанию обстоятельствам относилось подстрекательство к мятежу [16, с. 815–817]. В VI–VIII вв. в Японии появляются крупные законодательные акты, среди которых особый интерес представляет Свод законов Тайхо рицуре (702–718 гг.). В этом своде законов ранней Японии фактически были объединены уголовные, административные, земельные и иные законы [14, с. 3].

Рицу (Уголовный кодекс) содержал ряд положений о совместном совершении преступления. Эти положения и не носили обобщающего характера, в основном представляли собой обстоятельства, отягчающие наказание, и были расположены в Особой части Уголовного кодекса. В статье 33 речь идет об уменьшении наказания подчиненным – соучастникам служебного преступления. В Административно-уголовном законе как части Уголовного кодекса Рицу есть ряд составов, в которых уголовная ответственность устанавливается за совместные действия начальника и подчиненного. При этом наказание для подчиненного уменьшается, как правило, на одну ступень. Статья 9 «Убийство простого человека» устанавливает ответственность не только для непосредственного исполнителя убийства (ему грозило обезглавливание), но также и для пособника, которому грозила ссылка с трехгодичными каторжными работами. Основным виновником, тем не менее, считался не исполнитель преступления, а зачинщик убийства [Там же, с. 50].

Интересным является упоминание о «злом советчике» в древнем шведском Законе Гутов (Вестгеталаге), представлявшем собой запись обычаев гутов, сделанную до XII в. [4, с. 153]. В законах о человекоубийстве Вестгеталага четко формулируется специфика ответственности сообщника в совершении преступления на тинге. Сообщник платит половину от штрафа, уплачиваемого исполнителем, за совет, приведший к смерти, или сообщничество [4, с. 189–190]. Как полагает А. А. Сванидзе, против соучастников

убийцы, присутствовавших, т. е. наблюдавших за совершением преступления, и злого советчика судебный процесс должен был вестись в той же форме, что и против убийцы [4, с. 194].

Предусматривает подстрекательство, совершенное путем подкупа, двадцать восьмой титул Салической Правды (составлена в конце V или начале VI столетия при Хлодвиге I). Штраф за такого рода соучастие в совершении преступления был достаточно солидным и составлял шестьдесят три солида [20, с. 14].

В статьях 3–4 Законов бургундов (VI в.) устанавливается уголовная ответственность за убийство рабом свободного человека. Но если в ст. 3 раб совершал это убийство без ведома своего господина, то в ст. 4 господин являлся соучастником раба. Эта ситуация, скорее всего, предполагала подстрекательское воздействие господина на своего раба. За совершенное в таком соучастии убийство оба подлежали смертной казни [24, с. 23].

Выделяет главного (первого) участника преступления в мятеже против герцога Баварская Правда (была составлена при Дагоберте I в VII или VIII вв.) [12, с. 74]. Параграф 3 титула 2 «О герцогах и тех делах, которые их касаются» устанавливает, что первый поднявший мятеж присуждается к штрафу в 600 солидов. Те же из равных ему, кто последовал за ним и имел с ним совет, должны платить по 200 солидов. Остальные из народа, которые также поддерживали мятеж, платили уже по 40 солидов. Штраф среди соучастников распределялся не только по активности соучастника, но и по его социально-правовому статусу [3, с. 251].

Как преступление, совершенное в соучастии, необходимо, как представляется, рассматривать ситуацию, когда господин приказывает своему рабу украсть и продать свободного человека. Подобное соглашение предполагало наказание только для господина, на раба же он просто терял право [Там же, с. 264]. Таким образом, это одно из первых фактических упоминаний о посредственном причинении, когда лицо, не обладающее правоспособностью, освобождается от ответственности. К ответственности же привлекается лишь тот, кто склонил невиновного агента к совершению общественно опасного деяния.

Не обошло вниманием посредственное причинение и средневековое английское уголовное право. При этом достаточно четко в ряде положений просматривается принцип акцессорности. Параграф XIV Первого Вестминстерского статута 1275 г. устанавливает, что вне закона могут быть объявлены те, кто подстрекал или принуждал к совершению преступления только при одновременном привлечении к ответственно-

сти самих исполнителей. В том случае, когда главные виновники не осуждены (возможно, в силу несубъектности в том числе), привлекать к ответственности таких подстрекателей и принуждающих не рекомендовалось. Но и не запрещалось [20, с. 208].

Французские Кутюмы Бовези 1282 г. в гл. 30 «О преступлениях» не содержат общих положений о совместном совершении преступления, но во многих статьях о конкретных видах преступлений есть упоминания об этом. Так, в § 825 говорилось о том, что под убийством понимается не только непосредственное убийство одного человека другим, но и принуждение кого-либо к убийству другого [Там же, с. 588].

Глава 69 Румынской книги наставлений 1646 г. называлась «О тех, кто подстрекает другого причинить вред, которые ему помогают, либо которые дают ему советы или посылают его». В главе выделяется вид соучастника под названием «злокачественный советчик». Это тот, кто подстрекает или уговаривает другого с целью возбудить в нем гнев против третьего, либо обучает другого, как совершить преступление. Злокачественного советчика (подстрекателя) отграничивают от помощника (пособника), особенно отмечая, что они не могут подлежать одинаковому наказанию. В то же время румынский средневековый законодатель отличает простого советчика от того, кто посылает (принуждает, приказывает) совершить преступление. Советчик рассматривается как пособник, посылающий совершить преступление – как истинный и первый виновник [Там же, с. 807–808]. Идея наказания, законодательно оформленная и лежащая в основе гл. 70, очень проста и многократно повторяется в различных статьях этой главы. Ее суть в том, что злостный советчик (подстрекатель) или помощник (пособник) должны быть наказаны ровно также, как будет наказан исполнитель преступления. Более того, Румынская книга наставлений выделяет соучастие, не связанное с непосредственным совершением объективной стороны преступления, и тем не менее – принцип наказания остается прежним.

Баварский уголовный кодекс 1751 г. содержал ряд положений, относящихся к совместному совершению преступления. Согласно данным А. Н. Трайнина, в Кодексе перечисляются многочисленные виды соучастников преступления: злоумышленные советчики, подстрекатели, пособники, одобряющие преступление, солидарные с преступлением, а также отдающие приказ совершить преступление [18, с. 9]. И, как представляется, сразу же очевидна аналогия Баварского уголовного кодекса 1751 г. с Румынской книгой наставлений

1646 г. – «злокачественные советчики» в одном акте и «злоумышленные советчики» в другом. И те и другие очень тесно примыкают к подстрекателям, являются их разновидностью. В Румынской книге наставлений наряду с советчиками говорится о тех, кто к преступлению принуждает (заставляет или приказывает его совершить), а в Баварском кодексе речь идет о лицах, имеющих полномочия отдать приказ о совершении преступления [20, с. 815].

Одним из наиболее значимых памятников эпохи так называемого просвещенного абсолютизма являлась Терезиана 1768 г. Кодекс, изданный в Австро-Венгрии австрийской эсгерцогиней Марией Терезией, являлся первым законодательным актом в мировой истории, в котором подчеркнута значение причинной связи при определении ответственности за соучастие. Серьезной заслугой Уголовного кодекса Австро-Венгрии было установление общего положения о совместном совершении преступления, изложенного в § 6. «Преступление заключается как в непосредственном совершении деяния, так и в помощи и содействии его совершению. Первое имеет место, когда кто-либо самостоятельно или с чьей-либо помощью совершает преступное деяние, второе – когда преступное лицо при совершении преступления хотя не совершает его непосредственно своими руками, но сознательно и опасным образом допускает, содействует или принимает участие в преступном деянии тем или другим способом, путем ли распоряжения, приказа, совета, подкупа, обещания или содействия» [18, с. 10].

Французский уголовный кодекс 1791 г. содержал главу «О соучастниках преступления». Глава начинается определением подстрекательства: «Когда преступление будет совершено, то всякий, кто будет изобличен в том, что он подарками, обещаниями, приказаниями или угрозами склонил виновного или виновных к его совершению, наказывается как совершитель преступления» [Там же, с. 11]. А. Н. Трайнин обращает внимание на тот факт, что подстрекательство в Кодексе 1791 г. было весьма ограничено по способам склонения. Это были исключительно подарки, обещания, приказания или угрозы [5, с. 113]. Необходимо отметить, что подобное ограничительное перечисление способов подстрекательства было вообще свойственно французскому законодательству конца XVIII – начала XIX в. Так, в свое время на этот момент обращал внимание Н. С. Таганцев, говоря о том, что именно французскому и бельгийскому законодательствам было свойственно перечисление «средств» подстрекательства. Именно этому перечислению французские криминалисты при-

давали огромное значение, не допуская возможности подстрекательства иными средствами, кроме перечисленных в законе [17, с. 911].

К подстрекательству Уголовный кодекс 1791 г. относит также публичные призывы к совершению преступления. «Когда преступление будет совершено, то всякий, кто будет изобличен в том, что он прямо призывал к его совершению либо произносимыми в публичных местах речами, либо плакатами, либо листовками, прибиваемыми к стенам или распространяемыми в указанных местах, либо напечатанными и публично распространяемыми листовками, будет наказан наказанием, указанным в законе против совершителей преступления» [18, с. 12].

Наказания для различных видов соучастников в Кодексе 1791 г. не дифференцируются. Все эти лица наказываются так же, как лицо, непосредственно выполнившее объективную сторону состава преступления. Однако А. Н. Трайнин обращает внимание на один очень примечательный факт. И подстрекательство, и пособничество по Кодексу 1791 г. влекут уголовную ответственность только лишь тогда, когда преступление будет совершено исполнителем. Если преступление не совершено, то и уголовная ответственность остальных соучастников не имеет места. «Здесь, – пишет А. Н. Трайнин, – впервые находит выражение в законе принцип акцессорности соучастия. Отныне ответственность соучастников ограничивается кругом случаев, когда преступление исполнителем было действительно совершено. В такой форме на институте соучастия отразились освободительные идеи французской революции, направленные к ограничению абсолютистского произвола и укреплению прав личности» [18, с. 12–13].

Первоначально постановления о соучастии содержались в пяти статьях Общей части УК Франции 1810 г. Впоследствии это количество было сокращено до трех. Однако порядка 20 положений о совместном совершении преступления содержала также Особенная часть Кодекса [9, с. 21]. Подстрекателями в соответствии со ст. 60 являлись те, кто подарками, обещаниями, угрозами, злоупотреблением влияния или власти, преступными кознями или ухищрениями подстрекали к этому деянию или дали наставления, как его совершить [21, с. 275]. Перечень способов подстрекательства, по сравнению с Кодексом 1791 г., увеличен.

В Уголовном уложении царства Польского 1818 г. не было общего понятия соучастия. Оно определялось через перечисление видов соучастнических функций, совершаемых до, во время или после совершения преступления. В книге первой «О преступлениях» в разд. 1

«О преступлениях вообще» ст. 21 постановляет, что соучастником преступления считается всякий, кто, зная о намерении совершить преступление, оказывает непосредственному виновнику его содействие до или во время совершения этого преступления. Перечень средств (способов), которыми могло в принципе осуществляться соучастие, был достаточно широк. К ним относились: приказание, совет, угроза, наставление, поощрение (и это характеризовало деятельность подстрекателя) [19, с. 11]. Совместное совершение преступления в соответствии с разд. 3 являлось обстоятельством, отягчающим наказание (по терминологии Уложения – усиливающим наказание). В то же время, если лицо было склонено к совершению преступления вследствие боязни или из повиновения, то этот факт признавался обстоятельством, смягчающим наказание [Там же, с. 24].

УК Индии 1860 г. содержал положения о соучастии в гл. V. В статье 107 упоминается, в частности, о подстрекателях, уголовная ответственность которых наступала независимо от того, совершено или нет было деяние исполнителем. Причины, по которым освобождался от ответственности исполнитель, перечислялись в ст. 108. К ним в том числе относились: недостижение возраста, с которого наступала ответственность, состояние невменяемости, введение в заблуждение [10, с. 79–81].

В английском уголовном праве Нового времени положения о соучастии были закреплены в Законе о соучастниках и подстрекателях 1861 г. В английском уголовном праве под соучастниками преступления достаточно длительное время понимались исключительно исполнители и пособники. Исполнители делились на два вида: а) исполнители первой степени, т. е. те, кто непосредственно выполнил объективную сторону состава преступления; б) исполнители второй степени – те, кто способствовал исполнителю в совершении преступления.

Как полагает К. Кенни, к исполнителям первой степени относились также и те лица, которые использовали для совершения преступления лиц, не способных к уголовной ответственности, т. е. не являющихся субъектами преступлений по различным основаниям [8, с. 93]. «Очевидно, что почти всегда это будет лицо, совершившее само преступное действие. Но может случиться и иначе: фелония может быть совершена руками невиновного посредника, который, не имея преступного намерения в отношении того, что он совершил, не подлежит за совершенное им уголовной ответственности. В этом случае лицо, направившее такого посредника на совершение преступления, яв-

ляется подлинным виновником, так как оно является последним носителем *mens rea*, предшествующей совершению преступления, хотя она (*mens rea*) причинила преступление не непосредственно, а косвенным путем». Кроме того, исследователь полагает, что в качестве своеобразного «орудия» совершения преступления в данном случае можно рассматривать не только живого человека, но и, например, животное [Там же, с. 93].

В уголовном праве США институт соучастия во многом базировался и продолжает базироваться на положениях английского общего права. Там, так же как и в английском праве, выделяли исполнителей двух степеней и пособников. Исполнители первой степени – это не только лица, единолично совершающие преступление, но и соисполнители, выполняющие объективную сторону состава преступления. Кроме того, американскому уголовному праву известны так называемые посредственные причинители. Исполнителем первой степени признавался не только субъект, сам выполнивший объективную сторону состава преступления, но и тот, кто действовал при помощи «неодушевленной силы или через невиновного посредника» [13, с. 165–166].

Результаты исследования

Таким образом, можно заключить, что исторически посредственное причинение в различных зарубежных странах развивалось в теснейшей связи с понятием подстрекательства к совершению преступления. При этом такое подстрекательство трактовалось достаточно широко. Во-первых, как привлечение к совершению преступления потенциальных субъектов, способных нести самостоятельную уголовную ответственность. Во-вторых, как привлечение к выполнению объективной стороны состава лиц, не обладавших правосубъектностью в силу различных причин, перечень которых в разных странах по мере исторического развития постоянно расширялся.

В древних государственных образованиях очевидна тенденция к усиленному наказанию лиц, склонивших к совершению преступления других. В целом ряде древних государств такое поведение рассматривалось даже как обстоятельство, отягчающее наказание, и каралось гораздо суровее, нежели само выполнение объективной стороны состава преступления. И подобное вполне объяснимо. Дело в том, что среди фигур соучастников не выделялась фигура организатора, как правило. И основная нагрузка фактически ложилась на лицо, вызы-

вающее решимость у другого лица совершить преступление.

В эпоху Средневековья ситуация начинает меняться. Все еще есть страны, где наказание за привлечение к совершению преступления других лиц остается более значительным. Однако в силу влияния принципа акцессорности некоторые государства идут по пути приравнивания ответственности лиц привлекающих к ответственности лиц привлекаемых. Более того, в некоторых законах такая ответственность даже становится менее репрессивной, чем ответственность тех, кто выполняет объективную сторону состава. Тенденция несамостоятельности ответственности подстрекателей и лиц, привлекающих к совершению преступления невиновных агентов, продолжает проследиваться и в законодательстве стран Нового и Новейшего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артхашастра, или Наука политики. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 793 с.
2. Графский В. Г. Всеобщая история права и государства : учебник для вузов. М. : Норма, 2007. 752 с.
3. Данилова Г. М. Аламманское и баварское общество VIII и начала IX в. Петрозаводск : Карелия, 1959. 297 с.
4. Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. 332 с.
5. Исаев М. Французский уголовный кодекс 1791 г. (К 150-летию его издания) // Советское государство и право. 1941. № 4. С. 103–119.
6. История государства и права стран Азии и Африки. Очерки. М. : Юрид. лит., 1964. 254 с.
7. История Древнего Востока. Тексты и документы : учебное пособие / под ред. В. И. Кузищина. М. : Высшая школа, 2002. 720 с.
8. Кенни К. Основы уголовного права. М. : Изд-во иностр. лит., 1949. 599 с.
9. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 1: Понятие соучастия. Свердловск : [Б. и.], 1960. 288 с.
10. Крашенинникова Н. А., Трикоз Е. Н. Формирование института соучастия в уголовном праве Индии XIX в. // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 22, № 1. С. 66–90.
11. Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права XVI-X вв. до н. э. Памятники и исследования. Л. : Изд-во государственного Эрмитажа 1960. 356 с.
12. Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1955. 374 с.
13. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права. М. : Юрид. лит., 1991. 288 с.
14. Свод законов «Тайхо ричуро» 702–718 гг. Ричу (Уголовный кодекс). М. : Наука, 1989. 110 с.
15. Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М. : Яз. славян. культуры, 2004. 144 с.
16. Суровень Д. А. Отягчающие и смягчающие обстоятельства в древнем и раннесредневековом японском праве // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016) : сб. науч. тр. Т. 1: История кафедры, эволюция российского и зарубежного государства и права в трудах ученых кафедры. Аспирантов, соискателей и докторантов / под ред. проф. А. С. Смыкалина. Екатеринбург, 2016. 855 с.
17. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 2. СПб. : [Б. и.], 1888. 974 с.
18. Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М. : Изд-во НКЮ СССР, 1941. 158 с.
19. Уголовное уложение Царства Польского 1818 г. Общая часть Книги о преступлениях / пер. студ. Ф. Тарановского; под ред. проф. В. Есипова. СПб. : Тип. А. Ф. Маркса, 1895. 31 с.
20. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. акад. В. М. Корецкого. М. : Госториздат, 1961. 950 с.
21. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / сост. В. А. Томсинов. М. : Зерцало-М, 2012. 439 с.
22. Хрестоматия по истории Древнего Мира. Т. 3 / под ред. акад. В. В. Струве. М. : Учпедгиз, 1953. 358 с.
23. Хрестоматия по истории права зарубежных стран : учебное пособие. Нижний Новгород : Пламя, 2014. 248 с.
24. The Burgundian Code. Book of constitution or law of Gundobad. Translated by Katherine Fischer Drew. University of Pennsylvania Press, 1972. 106 p.

REFERENCES

1. *Arthashastra, or Nauka politiki* [Arthashastra or the science of politics]. Moscow, Leningrad, Acad. Sciences of the USSR Publ., 1959, 793 p. (in Russian)
2. Graftsky V.G. *Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva: uchebnik dlya vuzov* [General history of law and state: a textbook for universities]. Moscow, Norma Publ., 2007, 752 p. (in Russian)
3. Danilova G.M. *Alamannskoe i bavarskoe obshchestvo VIII i nachala IX v.* [Alamannic and Bavarian society of the 8th and early 9th centuries]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1959, 297 p. (in Russian)
4. *Iz rannej istorii shvedskogo naroda i gosudarstva: pervyye description i zakony* [From the early history of the Swedish people and state: the first descriptions and laws]. Moscow, Ros. state humanitarian un-t Publ., 1999, 332 p. (in Russian)
5. Isaev M. *Francuzskij ugovolnyj kodeks 1791 g. (K 150-letiyu ego izdaniya)* [The French Criminal Code of 1791 (To the 150th anniversary of its publication)]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1941, no. 4, pp. 103–119. (in Russian)
6. *Istoriya gosudarstva i prava stran Azii i Afriki. Ocherki* [History of the state and law of the countries of Asia and Africa. Essays]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1964, 254 p. (in Russian)
7. *Istoriya Drevnego Vostoka. Teksty i dokumenty, uchebnoe posobie* [History of the Ancient East. Texts and documents, textbook. Ed. IN AND. Kuzishchina]. Moscow, Higher School Publ., 2002, 720 p. (in Russian)
8. Kenny K. *Osnovy ugovolnogo prava* [Fundamentals of criminal law]. Moscow, Izd-vo inostr. lit. Publ., 1949, 599 p. (in Russian)
9. Kovalev M.I. *Souchastie v prestuplenii. Chast' 1: Ponyatie souchastiya* [Complicity in a crime. Part 1: The concept of complicity]. Sverdlovsk, [B. i.], 1960, 288 p. (in Russian)
10. Krashenninnikova N.A., Trikoz E.N. *Formirovanie instituta souchastiya v ugovolnom prave Indii XIX veka* [Formation of the institution of complicity in the criminal law of India in the 19th century]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences], 2017, vol. 22, no. 1, pp. 66–90. (in Russian)
11. Lurie I.M. *Ocherki drevneegipetskogo prava XVI-X vv. do n. e. Pamyatniki i issledovaniya* [Essays on ancient Egyptian law in the 16th century. BC e. Monuments and research]. Leningrad, State Hermitage Publ., 1960, 356 p. (in Russian)
12. Lyublinskaya A.D. *Istochnikovedenie istorii srednih vekov* [Source study of the history of the Middle Ages]. Leningrad, Leningrad un-t Publ., 1955, 374 p. (in Russian)
13. *Prestuplenie i nakazanie v Anglii, SSHA, Francii, FRG, Yaponii: Obshchaya chast' ugovolnogo prava* [Crime and punishment in England, USA, France, Germany, Japan: General part of criminal law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1991, 288 p. (in Russian)
14. *Svod zakonov "Tajho ricuryo" 702-718 gg. Ricu (Ugovolnyj kodeks)* [Taiho Ritsuryo Code of Laws 702–718 of Russian (Criminal Code)]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 110 p. (in Russian)
15. Surikov I.E. *Problemy early afinskogo zakonodatel'stva* [Problems of early Athenian legislation]. Moscow, Yaz. Slavs. culture, 2004, 144 p. (in Russian)

16. Suroven D.A. *Otyagchayushchie i smyagchayushchie obtoyatel'stva v drevnem i rannesrednevekovom yaponskom prave* [Aggravating and mitigating circumstances in ancient and early medieval Japanese law]. *Evolyuciya rossijskogo i zarubezhnogo gosudarstva i prava. To the 80th anniversary of kafedry istorii gosudarstva i prava Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta (1936–2016). Sbornik nauchnykh trudov. T. I: Istoriya kafedry, evolyuciya rossijskogo i zarubezhnogo gosudarstva i prava v trudah uchenykh kafedry. Aspirantov, soiskatelej i doktorantov. Pod red. prof. A.S. Smykalina* [Evolution of the Russian and foreign state and law. To the 80th anniversary of the Department of the History of State and Law of the Ural State Law University (1936–2016). Collection of scientific papers. T. I. The history of the department, the evolution of the Russian and foreign state and law in the works of scientists of the department. PhD students, applicants and doctoral students. Ed. prof. A.S. Smykalin]. Yekaterinburg, 2016, 855 p. (in Russian)
17. Tagantsev N.S. *Lekcii po russkomu ugovolnomu pravu. Chast' obshchaya. Vyp. 2* [Lectures on Russian criminal law. The part is common. Issue]. 2. Saint Petersburg, [B. i.], 1888, 974 p. (in Russian)
18. Trainin A.N. *Teaching about souchastii* [The doctrine of complicity]. Moscow, Publishing House of the NKJU USSR, 1941, 158 p. (in Russian)
19. *Ugolovnoe ulozhenie carstva Pol'skogo 1818 Obshchaya chast' Books on prestupleniyah. Per. stud. F. Taranovskogo, pod red. prof. V. Esipova* [Criminal Code of the Kingdom of Poland 1818. General part of the Book of Crimes. Per. stud. F. Taranovsky, ed. prof. V. Esipova]. Saint Petersburg, Type. A.F. Marx Publ., 1895, 31 p. (in Russian)
20. *Hrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy / Pod red. acad. V.M. Koreckogo* [Reader of monuments of the feudal state and law of European countries. Ed. acad. V.M. Koretsky]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961, 950 p. (in Russian)
21. *Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. Novoe i Newjshee vremya. Sost. V.A. Tomsinov* [Reader on the history of the state and the law of foreign countries. New and Modern Times. Comp. V.A. Tomsinov]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2012, 439 p. (in Russian)
22. *Hrestomatiya po istorii Drevnego Mira. T. 3. Under red. acad. V.V. Struve* [Reader on the history of the Ancient World.

T. 3. Ed. acad. V.V. Struve]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1953, 358 p. (in Russian)

23. *Hrestomatiya po istorii prava zarubezhnykh stran: uchebnoe posobie* [Reader on the history of law of foreign countries: textbook]. Nizhny Novgorod, Flame Publ., 2014, 248 p. (in Russian)

24. *The Burgundian Code. Book of constitution or law of Gundobad. Translated by Katherine Fischer Drew. University of Pennsylvania Publ., 1972. 106 p.*

Статья поступила в редакцию 03.01.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 13.05.2022.

Received on 03.01.2022; approved on 10.03.2022; accepted for publication on 13.05.2022.

Георгиевский Эдуард Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), ORCID: 0000-0001-8811-937X, ResearcherID: ABE-9081-2021, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Кравцов Роман Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com

Georgievskiy Eduard Viktorovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-8811-937X, ResearcherID: ABE-9081-2021, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Kravtsov Roman Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com